
В. А. Аракчеев

ИЗ ИСТОРИИ ЗАКРЕПОЩЕНИЯ В РОССИИ:

ПРИКРЕПЛЕНИЕ К ТЯГЛУ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII в.

Историография закрепощения тяглого населения в России складывалась на протяжении более чем 250 лет. Начало изучения проблемы было положено В. Н. Татищевым, опубликовавшим тексты указов конца XVI – начала XVII в. и Уложения Василия Шуйского 9 марта 1607 г. С середины XIX в. вопрос о начальном этапе закрепощения крестьян является предметом дискуссии. В 1857 г. из печати вышел седьмой том «Истории России» С. М. Соловьева, где он признал подлинность известия уложения 1607 г. о запрете выхода крестьян в царствование Федора, но датировал «закон об укреплении» начальным этапом его правления¹. В 1858 г. в «Русской Беседе» вышла статья М. П. Погодина, которая содержала неявную полемику с Соловьевым по вопросу о времени закрепощения крестьян². Погодин считал, что общего указа 1592 г. о закрепощении крестьян не существовало, т. к. вводная часть в уложении 1607 г. в любом случае является фальсификатом, хотя само уложение Шуйского могло иметь место. Наиболее решительно достоверность уложения 1607 г. отрицал И. Д. Беляев в известной монографии, впервые вышедшей в 1860 г.³

В 1885–86 годах появляются в печати концептуальные статьи В. О. Ключевского, в которых была предложена принципиально иная схема процесса закрепощения в России. Основная идея исследователя состояла в том, что крепостное право на Руси в начальной стадии развития представляло собой право на владение холопами. Государство, по словам Ключевского, не создавало крепостное право посредством поземельного прикрепления крестьян, а лишь «допустило распространение»

---

¹ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 4. М., 1989. С. 287.

² Погодин М. Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права? // Русская беседа. 1858. № 4. С. 215–249.

³ Беляев И. Д. Крестьяне на Руси. М., 1903. С. 101.

ние на крестьян прежде существовавшего крепостного холопского права⁴. Изучив правительственные мероприятия по сыску беглых, Ключевский сделал заключение, что Уложение 1649 г. не может считаться законом, завершившим процесс общего прикрепления в России, поскольку разные категории крестьян подвергались закрепощению не одновременно и на разных условиях. «В законодательстве можно заметить стремление прикрепить к земле казенных крестьян, дворцовых и черных. Следы этого стремления заметны гораздо раньше предполагаемого общего прикрепления крестьян, еще в удельные века; источником этих попыток было естественное желание удельных правительств обеспечить себе тягловцев среди общей бродячести населения»⁵. Однако это почти интуитивное прозрение историка не было услышано и вписано в историографический контекст.

Последовательный критик Ключевского В. И. Сергеевич акцентировал внимание на противоречиях теории своего антагониста и остроумно опроверг его суждение о влиянии холопского права на развитие крепостного права на крестьян. Однако рациональной основы в концепции Ключевского историк права не увидел. Сам Сергеевич был сторонником теории государственного закрепощения и вслед за С. М. Соловьевым считал, что общее прикрепление крестьян произошло в первый или второй год царствования Федора Ивановича (1584–1585 гг.)⁶. Концепцию Ключевского в целом поддержал М. А. Дьяконов, который полагал, что по мере усиления экономического прикрепления крестьян тяглые люди, занесенные в писцовые книги, считались старожильцами и не пользовались правом выхода. После проведения переписи 1584–1594 гг., которую Дьяконов считал одновременной и общей для всех уездов, крестьяне стали крепкими земле, где они оказались в момент описания⁷.

Критика Сергеевича и работы Дьяконова заставили Ключевского пересмотреть свою концепцию происхождения крепостного права. В конце 1906 г. вышла вторая часть «Курса русской истории», в котором лекция 37-я была посвящена вопросу о прикреплении крестьян. Ключевский отказался от своих прежних представлений о влиянии холопского права на складывание крепостного права на крестьян. Его новая концепция в общих чертах заключалась в следующем. Собственно крепостное право касалось лишь частновладельческих крестьян и сложилось на протяжении второй половины XVI – XVII вв. под действием владельче-

⁴ Ключевский В. О. Происхождение крепостного права в России // Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. Т. 8. М., 1990. С. 128–129.

⁵ Там же. С. 170–171.

⁶ Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 1. СПб., 1909. С. 280.

⁷ Дьяконов М. А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве. СПб., 1898. С. 31.

ской ссуды. В законодательстве крестьяне не прикреплялись ни к земле, ни к самим владельцам. «...Крестьянин, числясь по закону вольным со своим устарелым правом выхода, на деле был окружен со всех сторон, не мог уйти ни с отказом, ни без отказа, не мог по своей воле ни переменить владельца посредством вывоза, ни даже переменить звания посредством отказа от своей свободы»⁸.

Другая категория сельского населения, государственные и дворцовые крестьяне, уже в конце XVI – начале XVII в. «были прикреплены к земле и образовали замкнутый класс: ни их не выпускали на владельческие земли, ни в их среду не пускали владельческих крестьян»⁹. Это прикрепление Ключевский не считал крепостным правом, рассматривая его как «чисто полицейскую меру». Очевидно, что изложенная концепция существенно отличалась от первоначальной, но, к сожалению, эволюция взглядов великого историка на процесс закрепощения не нашла отражения в специальных трудах. В дальнейшем дискуссия не раз возобновлялась на новом этапе, после введения в научный оборот неизвестных ранее источников.

Существенный прорыв в исследовании проблемы в начале XX века связан с именем Д. Я. Самоквасова, который опубликовал новые материалы с упоминанием «заповедных лет»¹⁰. Основываясь на новых источниках, С. Б. Веселовский и Б. Д. Греков предложили новую концепцию закрепощения, различавшуюся в деталях. Общим для обоих исследователей было признание того факта, что первые закрепостительные мероприятия (указы о «заповедных летах») были изданы в 1580–1581 гг., а затем на протяжении 25 лет «заповедные» лета сменялись «выходными». Греков рассматривал крепостное право только как систему прикрепления частновладельческих крестьян, в то время как Веселовский полагал, что крепостное право охватило все тяглое население, в том числе и государственных крестьян¹¹. Новый виток споров был инициирован выдающимися архивными открытиями В. И. Корецкого, но дискуссия прекратилась к середине 70-х гг.¹² Итоги ее были подведены Р. Б. Мюллер в написанных ею комментариях к «Законодательным

⁸ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 2 // Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах. Т. 2. М., 1989. С. 307.

⁹ Там же. С. 297.

¹⁰ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Т. 2. М., 1909. С. 449–453.

¹¹ Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 43–44; Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. Кн. 2. М., 1954. С. 280.

¹² Корецкий В. И. 1) Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970; 2) Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975.

актам Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в»¹³.

К середине 70-х гг. XX в. в понимании истории закрепощения крестьян в отечественной науке при всем многообразии концепций сложилась единая исследовательская парадигма, для которой характерны некие общие черты. Во-первых, считается, что в основе процесса закрепощения лежали отношения между служилыми людьми и зависимыми от них крестьянами. Соответственно, все законодательные акты, в том числе и Уложение 1607 г., рассматриваются через призму этих отношений. Во-вторых, «заповедные годы» понимаются как «комплекс мероприятий в целях прекращения выхода населения из тягла и для возвращения в тягло крестьян и черных посадских людей»¹⁴. Таким образом, исследователи полагают, что все категории тяглового населения подверглись закрепощению одновременно и на одинаковых условиях. В последнее время эта точка зрения была заново аргументирована в статье Б. Н. Флори¹⁵. Думается, такое понимание процесса закрепощения не бесспорно, а сама проблема нуждается в дальнейшем исследовании.

Реформы 1550-х гг. и право перехода тяглых людей

В сущности, первым общегосударственным законом, где было поставлено под сомнение право перехода тяглых людей, стал Судебник 1550 г. В ст. 91 говорится: «А торговым людем городцким в монастырей городцких дворех не жити, а которые торговые люди учнут жыти на монастырех, и тех с монастырей сводити да и наместником их судити». Разумеется, Судебник не прикреплял посадских людей к тяглу; более того, и в ст. 91 Судебника, и в гл. 98 Стоглава норма права о сведении тяглецов с монастырских слобод была вектором однонаправленного действия. И. И. Смирнов определил, что посадские люди, вышедшие в новые слободы «после описи», должны быть выведены обратно «в город на посад». Но, с другой стороны, за населением церковных и монастырских слобод сохранялось право как выхода «в город на посадки», так и «в села», с соблюдением правил Судебника о «христианском» отказе¹⁶.

Синхронно с утверждением Судебника и Стоглава в 1550–1553 гг. в Русском государстве было осуществлено валовое описание земель.

¹³ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Комментарий. Л., 1987. С. 66–76, 104–109. (Далее – ЗАРГ. Комментарий).

¹⁴ Скрынников Р. Г. Заповедные и урочные годы царя Федора Ивановича // ИСССР. 1973. № 1. С. 99–129.

¹⁵ Флоря Б. Н. Об установлении «заповедных лет» в России // ОИ. 1999. № 5. С. 121–124.

¹⁶ Смирнов И. И. Судебник 1550 года // ИЗ. Т. 24. М., 1947. С. 328–330.

Е. И. Колычева выяснила, что перепись проходила в Рязани, Туле, Серпухове, Кашире, на Двине и Ваге, в Галиче, Москве, Звенигороде и Рузе¹⁷. Перепись охватила, очевидно, и весь Северо-Запад России. В 1551–1553 гг. были составлены приправочные книги по новгородским пятинам; в начале 50-х гг. проходило описание Пусторжевского уезда¹⁸. В научный оборот давно введена сотная по Серпуховскому посаду 1552 г., в которой содержится предписание о съезде с церковных дворов торговых и мастеровых людей: «а городским людем торговым и мастеровым в тех дворах на церковных местех не жити, а которые городские люди торговые и мастеровые учнут в тех дворах жити, и серпуховскому сотскому и всем городским людем тех людей ис тех дворов вывозити да сажати в свои старые дворы и тяглые»¹⁹. Б. А. Романов сделал аргументированный вывод о том, что выписка из наказа писцам Серпухова содержит в себе *расширительно истолкованное* постановление ст. 91 Судебника²⁰. Романов имел в виду упоминание подлежащих вывозу мастеровых людей, о которых не было речи в тексте Судебника.

Данное замечание Романова имеет принципиальное значение для понимания не только процесса закрепощения в России, но и эволюции российского законодательства XVI в. в целом. Расширительное толкование нормы права Судебника было применено также в уставной грамоте Важской земле, выданной 21 марта 1552 г. «А на пустые им места дворовые, в Шенкурье и в Вельску на посаде и в станех и в волостех, в пустые деревни и на пустоши и на старые селища, хрестьян называть и старых им своих тяглецов хрестьян из-за монастырей выводить назад безсрочно и безпошлинно, и сажати их по старым деревням, где кто в которой деревне жил прежде того»²¹. М. А. Дьяконов на основании указанных примеров, а также случаев сыска тяглецов в 60–80-х гг. сделал заключение, что «тяглые люди со второй половины XVI века рассматриваются крепкими тяглу и правом перехода не пользуются»²².

Мы сомневаемся, что данные примеры можно толковать столь категорично. В Важской уставной грамоте не содержится никаких запрещений перехода крестьян и посадских людей в другие волости или уезды. Более того, в грамоте нет и нормы, запрещающей переход тяглецов на монастырские земли. Норма права в Важской грамоте, так же как и

¹⁷ Колычева Е. И. Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 21–22.

¹⁸ Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины. Л., 1974. С. 6; ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. № 57. С. 121; № 59. С. 122–123.

¹⁹ Симпсон П. Ф. История г. Серпухова. М., 1880. Прил. 1. С. 329.

²⁰ Судебники XV–XVI вв. М.; Л., 1952. С. 330.

²¹ Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М., 1909. С. 111.

²² Дьяконов М. А. Очерки ... С. 9.

в ст. 91 Судебника носит разрешительный характер, позволяя тяглым мирам выводить своих крестьян и посадских людей с монастырских земель. Кроме того, постановление Важской грамоты было нормой однонаправленного действия, и объектом правоприменения были исключительно монастыри. Все это позволяет сделать вывод о применении в Важской грамоте ст. 91 Судебника, которая была истолкована расширительно, и положения которой были впервые в известных нам источниках XVI в. распространены на черносошных крестьян.

Следует иметь в виду еще одно обстоятельство. Важская грамота была выдана по челобитью тяглой общины. Из пересказа челобитной в тексте грамоты ясно, что посадские и волостные люди жаловались на злоупотребления наместников, следствием чего стало «запустение» многих тяглых мест. «...И от того де у них в станах и волостях многне деревни запустили и крестьяне де у них от того насилства и продаж и татеб с посадов розошлись по иным городам, а из станов и из волостей крестьяне розошлись в монастыри безсрочно и без отказа, а иные де посадские люди и становые и волостные кой куда безвестно розбрелись нарознь...»²³. Приведенный фрагмент свидетельствует, что важане были обеспокоены только уходом тяглецов без отказа, выход же «людей» в соответствии с нормами Судебника и с отказом, очевидно, не возбранялся.

Таким образом, в постановлении Важской грамоты необходимо видеть предписание сыскивать и возвращать только тех крестьян, которые должны были «отказываться» с тяглых мест по нормам ст. 88 Судебника, но ушли без отказа. Очевидно, что право вывода тяглых людей с монастырских земель, полученное важанами, было тесно связано с двумя мероприятиями 50-х гг.: описанием 1550–1553 гг. и земской реформой 1552–1556 гг. В классическом исследовании Н. Е. Носова выявлены два типа местных сословно-представительных учреждений, созданных в России в 1552–1556 гг.: земские структуры черносошного Севера и всесословные дворянско-земские институты на землях служилого землевладения²⁴. В наиболее чистом виде второй тип учреждений был создан в сельской местности Северо-Запада России.

До нас дошел комплекс указных грамот за март 1555 – март 1556 г., адресованных новгородским наместникам²⁵. В грамоте от 20 января 1555 г. содержится ссылка на несколько более ранний царский указ: «...велено во все пятины, и на Луки, и во Ржеву, и в Пуповичи розослати грамоты, чтобы князи и дети боярские, и все служилые люди, и игуме-

²³ Наместничьи, губные и земские уставные грамоты... С. 103.

²⁴ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 327–366, 421–526.

²⁵ ДАИ. Т. 1. № 51–112. С. 72–157.

ны, и попы, и дьяконы, и старосты, и сотские, и пятидесятские, и все крестьяне выбрали из пятин по сыну по боярскому по доброму, да из пятин же выбрали человеки по 3 и по 4 лутчих людей, да ис погоста по человеку, а из малых погостов из дву или из трех по человеку. Да велено тем старостам и выборным сбирати наши ямские и приметные деньги, и за посошные люди, и за ямчужное дело, и всякие подати по писцовым книгам, и привозити к вам в Новгород»²⁶.

Для нашей темы этот фрагмент имеет принципиальное значение. Необходимо обратить внимание на три момента. Во-первых, органы местного финансового управления на Северо-Западе являются всеобщими: в их состав входят дети боярские и представители волостных миров. Второй системообразующий элемент новых учреждений – это их фискальные обязанности. Государственные налоги по писцовым книгам собирают старосты и выборные люди. Третью существенную черту системы составляет фискальное единство податных округов. А. С. Лаппо-Данилевский и С. Б. Веселовский считали органичной чертой системы налогообложения в Русском государстве XVI в. «кость» – податной округ, выборные власти которого производили разверстку повинностей по писцовым книгам между более мелкими тяглыми ячейками.

Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с «костью», в состав которой входят как земли помещиков, так и черносошные волости. Рассмотрим структуру такой «кости» на примере фискально-административных единиц Пусторжевского уезда. В 1555 г. «черные деревни» были отмечены в шести станах Ржевы Пустой. Важно отметить, что «черные волости» входили именно в состав станов, на территории которых располагались поместья служилых людей²⁷. Общеизвестно, что поместные земли, в отличие от вотчинных, не отмежевывались от других владений. Поэтому в том же Пусторжевском уезде были возможны ситуации, когда черные земли захватывали соседние землевладельцы, в том числе земцы. «...Починок Тимофеев, а выставок из черные деревни Смятона за земцом за Ферзиком з братьею за Дементьевыми детьми Игумнова, а называют, де, они тот Тимофеев починок выставкою своей деревни Зришнина, а тот, де, починок и старе земля межтоцкая, а Межток, де, и с тем починком полторы обжи...»²⁸.

Захваты черных земель служилыми людьми осуществлялись во время описаний. «И те, де, деревни и селища и починки писцы наши Иван Колычев с товарищи дали на льготу, а в книгах, де, они написали: как те

²⁶ ДАИ. Т. 1. № 94. С. 145.

²⁷ Аракчеев В. А. Великолукский и Пусторжевский уезды во второй половине XVI в.: землевладение и землевладельцы // STUDIA HUMANISTICA: Исследования по истории и филологии. СПб., 1996. С. 47–57.

²⁸ ДАИ. Т. 1. № 57. С. 121.

деревни и селища и починки изо льготы выйдут, и с тех деревень и селищ и с починков всякое наше тягло тянуть хрестьяном с черными деревнями. И после, де, тех писцов ездили наши другие писцы Истома Корчов с товарищи и те, де, льготные деревни и селища и починки отдали в придачу детям боярским ..., а от черных, де, деревень тех льготных деревень, селищ и починков сошным письмом не росписали»²⁹. Итак, стан, в состав которого входили земли служилых землевладельцев и черносошных хрестьян, представлял собой единую «кость» — податный округ, хрестьяне которого осуществляли разверстку повинностей, исходя из обежного оклада деревни и стана в целом.

В пределах таких податных округов, да и всей территории Северо-Запада, не могло быть и речи о каких-либо запретах хрестьянских переходов. В указной грамоте в Новгород содержится неоднократно цитированный исчерпывающий рассказ о порядке отказа на Северо-Западе России. «А как, де, изо ржевских и из наших ис черных деревень приедут к ним отказщики с отказом в срок хрестьян из-за них отказывати в наши в черные во ржевские деревни, которые хрестьяне похотят итти жити в те наши в черные деревни, и те, де, дети боярские отказщиков бьют, и в железа куют, и пожилое, де, на них емлют не по Судебнику, рублей по пяти и по десяти, и отказати, де, хрестьянина из-за тех детей боярских не мочно»³⁰.

Этот фрагмент часто приводили как свидетельство недейственности норм Судебника 1550 г. о хрестьянском отказе³¹. В. И. Корецкий даже писал о том, что «хрестьянские вывозы на практике в ряде случаев превращались в замаскированную сделку купли-продажи хрестьян»³². Такой вывод противоречит сути документа. Даже если черная волость платила пожилое за хрестьянина, желавшего уйти от помещика, этот акт нельзя трактовать как «продажу» тяглеца. Государство строго придерживалось законной процедуры и в резолютивной части грамоты дьяки предписали: «...из-за тех детей боярских и из-за земцов в наши черные во Ржевские деревни хрестьян по сроку отказывати. А выход бы есте велели им тем хрестьяном платити по нашему указу»³³. Следовательно, на территории Северо-Запада России в 50-х гг. XVI в. не существовало ограничений на переход хрестьян.

И все же право своза тяглых хрестьян из-за монастырей, которое было дано земским властям Важского уезда в 1552 г., не следует расце-

²⁹ ДАИ. Т. 1. № 59. С. 123.

³⁰ Там же. № 56. С. 120.

³¹ Дьяконов М. А. Очерки... С. 10; Смирнов И. И. Восстание Болотникова (1606–1607 гг.) М.; Л., 1951. С. 40–41.

³² Корецкий В. И. Закрепощение хрестьян и классовая борьба... С. 46.

³³ ДАИ. Т. 1. № 56. С. 120.

нивать как экстраординарное пожалование. Связано оно было, скорее всего, с двумя моментами. Во-первых, с чрезвычайным торгово-промышленным значением этого густонаселенного в середине XVI в. края, который представлял интерес и для казны, и для монастырей. Во-вторых, с гомогенным характером земских учреждений, созданных на Ваге по уставной грамоте. Отсутствие служилого землевладения на Ваге имело своим следствием то, что черносошные земли не были отделены в фискальном отношении от монастырских земель, составляя единый податной округ. Земские власти Важского уезда постарались закрепить в грамоте норму Судебника о свозе тяглецов, и даже добились расширительного толкования ст. 91, распространив ее действие на черных крестьян, составлявших единую «кость» с посадскими людьми.

Представляется, что и другие тяглые общины русского Севера, чья структура была подобна структуре Важской земли, могли получать аналогичные привилегии. Тяглые общины посадов имели право свозить своих тяглецов из-за монастырей и с церковных земель. Но эту норму вряд ли стоит трактовать как закрепощение посадских людей, поскольку переходы горожан из одной тяглой общины в другую не преследовались. Серьезные изменения в положении крестьян и посадских людей произошли только в 1580-х гг.

*Чрезвычайные финансовые мероприятия
1560-х – 1580-х гг. и деятельность посланников*

Утраты документов из приказных архивов во время пожаров 1626 г. и предыдущих годов не позволяли историкам описать процесс закрепощения в России с институциональной точки зрения: до сих пор неясно, какие государственные учреждения осуществляли закрепостительные мероприятия. В данном разделе мы пытаемся выполнить такое описание и показать на доступных источниках деятельность важнейшего сыскного и фискального института второй половины XVI в. – государевых посланников.

Исследование деятельности института посланников впервые осуществил Н. С. Чаев³⁴. Изучив деятельность посланников в монастырских вотчинах Поморья в 1584–1585 гг., Чаев пришел к выводу о том, что посланники выполняли комплексные мероприятия по реализации постановлений соборов 1580 и 1584 гг. Первоочередной задачей посланников был сбор недоимок по выплатам сошных налогов и таможенных пошлин. Кроме того, посланники проводили «обыск» черносошных земель, перешедших в руки монастырей, и бывших земских тяглецов, заложившихся за монастыри. Закладчиков надлежало свозить на тяглые

³⁴ Чаев Н. С. К вопросу о сыске и прикреплении крестьян в Московском государстве в конце XVI в. // ИЗ. Т. 6. М., 1940. С. 152–156.

места, а ответственность за исправную выплату ими налогов возлагать на волостных крестьян. В. И. Корецкий, вопреки мнению Чаева, полагал, что деятельность посланников носила ограниченный характер и была «частью широких правительственных мероприятий по борьбе с закладничеством как средством избежания государственного тягла»³⁵.

Б. Н. Флоря не принял во внимание результаты исследования Н. С. Чаева и определил посланников как чрезвычайных фискальных агентов правительства, которые облагали местное население экстраординарными налогами и собирали их. Б. Н. Флоря привел сведения о шести посланниках, действовавших в Поморье в 1581–1584 гг., т. е. в последние годы царствования Ивана IV. В Двинской земле с владений Соловецкого монастыря 1 января 1582 г. собирали деньги, «что приезжал государев посланник Семен Фролов». В Двинской же земле зафиксирована деятельность следующих посланников: Т. Савельева (март 1582 г.), Б. Логвиновича (ноябрь 1582 г.), З. Григорьева (март 1583 г.), А. Безобразова (декабрь 1583 г.), А. Палицына (1584 г.). По всей видимости, посланники собирали налоги и в Соли Вычегодской в 1581 г.³⁶

Однако даже из опубликованных актов следует, что институт государевых посланников возник значительно раньше, а действовали посланники не только на территории черносошных земель Севера России. В актах Симонова монастыря посланники впервые упомянуты в жалованной грамоте от 1 августа 1565 г. в контексте с гонцами: «и гонцом нашим и всяким посланником подвод не дают». Можно было бы заключить, что в данном случае под посланниками подразумеваются послы в иностранные государства. Однако уже текст указной грамоты в Соль Галицкую от 14 февраля 1567 г. недвусмысленно свидетельствует, что под посланниками понимаются фискальные агенты опричного правительства. Грамоту, подписанную дьяком Андреем Васильевым, предписывалось держать «иных для наших посланников и тамошников»³⁷.

В указной грамоте выборному старосте и целовальникам Московского уезда 1569 г. содержится запрет собирать налоги в земщину с владений Симонова монастыря, а саму грамоту было велено хранить «для иных наших земских денежных зборов и всяких посланников». В грамотах 1577 г. в Бежецкий Верх и Юрьевский уезд посланники упоминаются в контексте с городскими приказчиками, которые вносили ямские деньги и прочие подати. Наконец, в жалованной грамоте 1584 г. на монастырские вотчины в 18-ти уездах Замосковского края, подписанной дворовым дьяком Андреем Арцыбашевым, возглавлявшим Большой

³⁵ Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба... С. 95, 110.

³⁶ Флоря Б. Н. Об установлении «заповедных лет» в России. С. 121–124.

³⁷ АФЗХ АМСМ. Л., 1983. № 147. С. 178; № 157. С. 204.

приход, царь обязывался «посланников своих в тое их монастырскую вотчину для своих всяких податей не посылать»³⁸.

В жалованных грамотах Новодевичьему монастырю посланники упоминаются в период с 1571 по 1613 г. Причем уже первое упоминание 1571 г. определенно не относится к российским послам или послам из иностранных государств. Одна из формул грамоты посвящена невзятию с монастырских вотчин великокняжеских и «посолских кормов», а в следующем обороте говорится о том, что «наши князи и бояре и воеводи ратные и посланники и всякие ездоки в их селех и деревнях ни у кого сильно не ставятца...». В этом контексте деятельность посланников однозначно связана с обеспечением нужд обороны страны. В дальнейшем эта норма повторена в жалованных грамотах 1573, 1575, 1599 гг. и начала XVII в.³⁹ Посланники в числе других государственных чиновников – городовых приказчиков и мытчиков – упоминаются и в жалованных грамотах 1576 и 1580 г. Суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю⁴⁰.

Очевидно, что во второй половине 60-х гг. XVI в. (первое бесспорное упоминание – 1567 г.) в фискальной номенклатуре Русского государства появляется новое должностное лицо – посланник. Происхождение термина «посланник», видимо, связано с профессиональной деятельностью этих чиновников – сбором податей на чрезвычайные расходы, в первую очередь, на нужды обороны. Термин сложился именно в силу того, что посланников *посылали* из столицы на места.

Сфера деятельности посланников хорошо видна из делопроизводственных материалов Соловецкого монастыря, в актах которого посланники упоминаются, начиная с 1573 г. Источники отмечают такую важнейшую функцию посланников, как набор посошных людей для армии. Посоху или деньги на посоху в вотчинах Соловецкого монастыря собирали следующие посланники: А. Г. Квашин в 1573 г., Д. И. Мосальский в 1570-е гг., некий Михаил Иванович в 1578 г., В. Т. Евлашков в 1579 г., И. В. Сомов в 1582 г.⁴¹ Однако основным родом деятельности посланников был государственный фиск. В 1574 г. посланник Г. Секирин собирал деньги на полоняничный откуп. В 1578 г. посланник некий Андрей Иванович разбираал тяжбу по выплатам налогов между жителями Неноксы и старцами Антониева Сийского монастыря⁴².

³⁸ АФЗХ АМСМ. № 178. С. 227; № 190. С. 237; № 191. С. 238; № 199. С. 245.

³⁹ АРГ АМСМ. М., 1998. № 128. С. 307; № 131. С. 319; № 135. С. 328; № 141. С. 343; № 146. С. 393.

⁴⁰ АСЕМ. М., 1998. № 194. С. 362; № 212. С. 389.

⁴¹ АСЭИСП. Л., 1990. № 491. С. 33; № 591. С. 80; № 651. С. 105; № 700. С. 130; № 814. С. 184.

⁴² АСЭИСП. № 541. С. 55; № 665. С. 114.

В 1580 г. посланник С. И. Фролов собирал налоги «в государеву дежную службу за плавные люди». В 1581 г. посланник И. В. Титов также собирал «государевы деньги за плавных людей». Кроме того, сохранились сведения об экстраординарных сборах 1582 и 1583 г., когда с Двинского уезда были взяты «государевы деньги» в размере двух и четырех тысяч рублей. В Неноксе и Лудской волости эту важнейшую акцию осуществляли государевы посланники С. Фролов в 1582 г. и З. Шестаков в 1583 г. В некоторых случаях посланников подменяли государевы дьяки. Так, в декабре 1580 г. полонянничные деньги с жителей Сумской волости взимали государевы дьяки И. Осеев и Т. Репьев.⁴³ Посланники выполняли и разного рода чрезвычайные поручения. Указная грамота Ивана IV 1583 г. о запрещении использовать на строительстве Кольского острога крестьян соловецкой вотчины предназначалась для уведомления «приказных людей и посланников»⁴⁴.

Персональный состав посланников характеризуется отсутствием среди них представителей высших чинов государева двора. И А. Г. Квашнин, Д. И. Мосальский, и, тем более, другие посланники отсутствуют в реестрах служилых людей своего времени и были, видимо, чиновниками низшего звена. Это не должно удивлять, поскольку посланники командировались в большинство уездов, и каждый раз было задействовано немало чиновников этого ранга.

Н. С. Чаеву удалось отыскать в собрании Белозерских актов Археологической комиссии четыре документа, которые он определил как фрагменты делопроизводства, ведшегося одним из посланников – (Приложение № 2, 3, 4, 5) – возможно, Тимофеем Шокуровым или Дементием Яковлевым⁴⁵. Эти уникальные источники дают возможность предметно описать положение вещей, с которым сталкивались посланники на местах, и условия, в которых проходила их деятельность.

В обыскных речах жителей Неноксы детально охарактеризована чрезвычайно запутанная ситуация с выплатой налогов, сложившаяся на соляных промыслах Поморья. Недовольство черной общины вызывала усиливавшаяся экспансия Кирилло-Белозерского монастыря и вологодских купцов Кобелевых. Так, еще в 1578 г. один из «лучших» людей посада Неноксы продал свой двор и соляную варницу Кирилловскому монастырю, но при этом по сошному письму двор продолжал числиться на черном тяглом месте. С 1581 г. кирилловские старцы начали скупку вновь разрабатываемых варниц, стоявших на государевой земле, черных тяглых дворов и амбаров. Посажане Неноксы были озабочены не столь-

⁴³ АСЭИСП. № 727, 728. С. 143; № 756. С. 156; № 786, 787. С. 171; № 856. С. 206–207.

⁴⁴ АСЭИСП. № 881. С. 220.

⁴⁵ Чаев Н. С. К вопросу о сыске и прикреплении крестьян... С. 153–154.

ко самим фактом покупки тяглых мест, сколько тем, что дворы и уголья не были выделены из черных земель в особый податной округ.

«А от нас, государь, те их монастырские и Федора Кобелева черные промыслы из тягла из черных сох не выведены, и не отставлены, и мы, государь, черные тяглые отсталые людишка с тех промыслов в государевых податех в земских розметех в конец загибли, платячи за тех сильных людей, за монастыри...». Поскольку перешедшие в монастырь промысловые уголья находились в одном податном округе (в одной «кости») с черными, и на них не распространялись иммунитетные привилегии, монастырские власти были обязаны участвовать в волостном разрубе по выплатам налогов. Однако, к вящему недовольству ненокшан, старцы с ними «на счет ... не сажидися в своих черных промыслах», и за 1582–1584 гг. не доплатили в волостной разруб более 150 руб. (Приложение № 3).

Столь запутанная ситуация была прямым следствием непоследовательной политики Ивана IV по отношению к монастырям. С одной стороны, произносились громогласные декларации со ссылкой на опыт реформации в Англии,⁴⁶ с другой стороны – Грозный давал в монастыри щедрые вклады, в том числе и земельные. Отсутствие государственной воли рельефно проявлялось в продолжающемся существовании монастырских тарханов и неурегулированности податных отношений между монастырями и чернососошными тяглыми общинами.

Правительство Федора Ивановича в стремлении наполнить бюджет и упорядочить сбор промысловых и прямых налогов провело церковный собор 1584 г. Важнейшие решения собора содержались в статьях приговора об отмене тарханов и запрете держать тяглых людей в качестве закладчиков в монастырских вотчинах. Закладничество подлежало безусловной ликвидации: «А митрополиту, и владыкам, и монастырем земель не покупати и закладней не держати. А хто после сего уложенья купит землю в которой монастырь, или закладня учнет за собою которой монастырь держати, и те земли имати на государя безденежно. А которые ныне закладни за митрополитом, и за владыками, и за монастыри, и те земли поимати на государя; а в денгах ведает бог да государь, как своих богомолцов пожалует»⁴⁷. Кроме того, июльское уложение предписывало выделить земли монастырей-тарханщиков в особые податные округа, отделенные от черных земель⁴⁸. Отчаявшись бороться с закладничеством с помощью местных властей, правительство использует для этой цели специально командированных из центра агентов – посланников.

⁴⁶ Горсей Джером. Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990. С. 65.

⁴⁷ ЗАРГ. Тексты. № 43. С. 61–62.

⁴⁸ Петров В. А. Соборное уложение 1584 г. об отмене тарханов // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 191–201.

Таким образом, после кончины Ивана IV институт посланников не только сохранился; его компетенция была существенно расширена. Посланники упоминаются в жалованных грамотах, выданных правительством Федора Ивановича в июне – октябре 1584 г. Симонову и Кирилло-Белозерскому монастырям⁴⁹. Особенно интересна для нас указная грамота городовому приказчику на Белоозеро от 11 октября 1584 г., в которой подтверждалось право Кирилло-Белозерского монастыря платить все причитающиеся с монастырских крестьян подати непосредственно в Москве. В перечне чиновников, занимавшихся сбором налогов и «въезжавших» с этой целью в монастырскую вотчину, первую позицию занимают посланники: «в их монастырскую вотчину нашим посланником и розсылщиком и губным старостам и городовым приказщиком для наших денежных доходов не въезжати». В грамоте описана ситуация августа – сентября 1584 г., когда во исполнение решений церковного собора, «наши посланники по всем городом в их кириловскую вотчину учили въезжати, и к денежным збором и к тамгам учили кириловских крестьян выбирати» (Приложение № 1).

Реконструировать деятельность чрезвычайного сысского института возможно по выписи из наказа, адресованного одному из посланников, действовавших в Поморье зимой 1584–85 гг. (Приложение № 2). Перед посланниками стояли следующие основные задачи: 1) Посланник был обязан обыскать, сколько черных земель и в том числе промысловых угодий на Двине перешло в руки монастырей. 2) Необходимо было выяснить, кто из тяглых людей и как давно передал монастырю черные земли и угодья. 3) Следовало исчислить размер податей, взимавшихся с утраченных черных земель. 4) Необходимо было выяснить количество закладчиков за каждым монастырем и размер выплачивавшихся этими закладчиками податей. 5) Сыску подлежали и соляные промыслы: варницы, числившиеся за монастырем, а также вид и размер налоговых поступлений в казну с каждой варницы. 6) Следовало выяснить, платят ли монастыри подати с земскими людьми по сошному письму и помогают ли они двинянам в других земских повинностях. 7) Конечным результатом сысской деятельности посланника было определение размера налогов, не платившихся ежегодно каждым монастырем с бывших черных земель, и таким образом надлежало определить, как много тяглые общины переплатили в казну за утраченные ими земли.

Как можно судить из данного перечня, правительство было в наибольшей мере озабочено неравномерностью в распределении податных обязанностей между тяглыми общинами и монастырями. Купив или получив в результате заклада черные угодья и варницы, монастырские

⁴⁹ АФЗХ АМСМ. № 199. С. 245; Приложение № 1.

власти бесосновательно распространяли на эти земли свои иммунитетные привилегии, и, прежде всего, основную – возможность платить налоги самостоятельно в Москве, не участвуя в волостных разрубках. Тяглые же общины, вынужденные платить сошные налоги в полном объеме по составленным ранее платежницам, были не в состоянии привлечь старцев к участию в волостной раскладке. Опираясь на царские жалованные грамоты, монастырские власти не пускали в свои вотчины не только городских приказчиков, но и посланников. Разрешить эту запутанную ситуацию было возможно, лишь наделив посланников чрезвычайными полномочиями по проверке владельческих прав и податной исправности тех монастырских владений, которые входили в состав земских податных округов.

Так институт посланников превратился в ключевую структуру государственного аппарата 1580-х гг. О результативности работы посланников можно судить по двум документам, публикуемым в Приложении (№ 4, 5). Отпись в получении денег с Антониева Сийского монастыря свидетельствует, что посланник Тимофей Шокуров, руководствуясь наказом и росписью за приписью дьяка Андрея Щелкалова, в начале января 1585 г. доправил на монастырских властях государевы подати с промыслов и угодий. Одновременно шел сыск и вывоз на тяглые места закладчиков. С земских людей посланник брал поручные записи, в которых становые люди ручались, что бывший закладчик будет жить «на государеве земли на тяглом месте» и платить подати «с становыми людьми ровно».

Полномочия посланников по проверке владельческих прав естественно усложняли их функции, и от времени начала царствования Федора Ивановича до нас дошли сведения о разборе посланниками земельных споров. Давно введено в научный оборот судное дело 1584 г. рязанского вотчинника Тимофея Шиловского с дьяком Андреем Шерefeldиновым, в котором исследователей интересовало упоминание «уложения» Ивана IV⁵⁰. Для нас данный документ интересен в первую очередь потому, что в нем описана деятельность «посланников»: «Да шлюсь, государь, из виноватых в виденье на твоих государевых розсылыщиков, в город Переславль на Федора на Сухоткина, да на Ивана на Омельянова, и на твоих государевых пушкарей на Ивана на Долгово, да на Ивана на Чейкина, да на затинщика на Леву, и на их товарищев, которые с ними ездили, в том, что он ныне, государь, с твоим государевым посланником с Иваном Скрипицыным да с Родионовым человеком Петрова сына Безнина с Васильем Дубневым, а называлися твоим государевым посланником,

⁵⁰ Веселовский С. Б. Труды по источниковедению... С. 39; Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. Кн. 2. С. 304; Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба... С. 101.

ко мне в вотчину в село Шилово с понятыми с владычными крестьяны из деревни из Костянтинова Степаном с Окуловым и его товарищи, и ездили в вотчину в село Шилово; изымав, сковали и сковав меня, Тимошку, вели к Москве»⁵¹.

Насколько видно из материалов судного дела, посланник И. Скрипицын в сопровождении группы служилых людей по прибору из Переяславля Рязанского, холопа Р. П. Безнина и понятых из архиепископских крестьян арестовали Т. Шиловского в селе Шилово, которое он считал своим и не покидал. Возможно, посланник Скрипицын и превысил свои полномочия, стремясь услужить могущественному царскому дьяку Шеремединову, но для нас важно подчеркнуть другое обстоятельство. В 1584 г. посланники хорошо известны на частновладельческих землях Рязанской земли, они действуют, опираясь на отряд местных служилых людей, прикомандированных к ним и беспрекословно выполняющих их указания. По всей видимости, нет оснований считать, что деятельность посланников была направлена исключительно на выполнение постановлений земско-церковных соборов 1580 и 1584 гг. и проходила на монастырских и черносошных землях.

Посланники «строили» волости и посады Поморья, осуществляли сбор налогов и сыск закладчиков в замосковных вотчинах крупнейших монастырей, представляли интересы государства в земельных спорах. Публикуемые источники не подтверждают сугубо негативную характеристику, которую дал деятельности посланников Б. Н. Флоря: «...рассылка на места посланников для сбора чрезвычайных налогов, практиковавшаяся в последние годы правления Ивана IV, послужила толчком к тому, чтобы бегство населения с насиженных мест приняло массовый характер»⁵². Общеизвестно, что массовый характер бегства тяглого населения приобрело уже в 1570-х гг. И в последние годы правления Ивана IV, и в первые годы правления Федора Ивановича именно посланники призваны были сократить ущерб, наносимый государству фиску бегством и закладничеством тяглого населения.

Важнейший вопрос при анализе деятельности посланников состоит в решении проблемы их места в государственной иерархии. Каким учреждениям подчинялись посланники, кто составлял наказания для них и направлял их в те или иные местности? В документах, связанных с деятельностью посланников, упоминаются известные приказные деятели того времени, среди которых особый интерес представляют Андрей Васильев, Андрей и Василий Щелкаловы. Ведомству Андрея Щелкалова

⁵¹ Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собр. А. И. Юшков. М., 1898. С. 206.

⁵² Флоря Б. Н. Об установлении «заповедных лет» в России. С. 122.

подчинялся посланник Шокуров, который руководствовался наказом и росписью, заверенными самим дьяком (Приложение № 4). Поскольку упомянутые дьяки управляли территориальными приказами – четвертями, изложим известные сведения об их компетенции.

После учреждения опричнины наряду с дворцами, управлявшими такими территориями, как Тверь и Казань, возникает земская четверть, находившаяся в ведении дьяка Посольского приказа Андрея Васильева. В четверть Васильева во второй половине 1560-х гг. входили Вотская пятина, Рязк и Соль Галицкая. После казни Васильева по «Новгородскому изменному делу» в 1570 г. его преемником стал дьяк Василий Яковлевич Щелкалов⁵³. Под управлением Василия Щелкалова в 1570–80-х гг. находились такие территории, как Ярославль, Белоозеро, Галич и Вологда. Одновременно его брат Андрей Щелкалов в 1570 г. объединил в своих руках Казанский, Нижегородский и Мещерский дворцы. Две грамоты в Свияжск – 1581 и 1586 гг. – были подписаны Андреем Щелкаловым⁵⁴. Акты, свидетельствующие о заведовании Щелкалова «Казанским дворцом», сохранились за период с 1577 по 1587 г., что позволило П. А. Садикову заключить, что в звании начальника Казанского дворца Щелкалов пробыл до середины 1587 г.⁵⁵

Двинская земля до смерти Ивана IV находилась в ведении дьяка Андрея Арцыбашева; последнее указание на «Дворовую четверть» Арцыбашева относится к 1 февраля 1584 г. После вступления на трон Федора «Дворовая четверть» как территориальный приказ была наряду с другими земскими четвертями перекроена, и большинство северных областей Поморья ушло в четверть дьяка Андрея Яковлевича Щелкалова. Документально финансовое управление Двиной в четверти Щелкалова можно проследить с декабря 1584 г.⁵⁶

Таким образом, деятельность посланников в Соли Галицкой, на Двине и в Поволжье направлялась из четвертей Андрея и Василия Щелкаловых. По мнению П. А. Садикова, четверти были высшими финансовыми учреждениями государства, ведавшими сбором кормленого оброка и ряда других налогов на определенной территории. Одновременно четверть выполняла судебно-административные поручения царя с думой⁵⁷. В этой связи далеко не случайным фактом является совпадение времени образования четвертных приказов в момент учреждения опричнины и первых упоминаний посланников в актах (1565, бесспорно –

⁵³ Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 355–358.

⁵⁴ ДАИ. Т. 1. № 127; Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. Ч. 3. М., 1897. С. 228–229.

⁵⁵ Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. С. 359–368.

⁵⁶ Там же. С. 354.

⁵⁷ Там же. С. 385–392.

1567 г.). Будучи институтом чрезвычайного управления страной, опричнина, вопреки мнению ряда исследователей, не была простым возвратом к удельным методам управления⁵⁸. Опричнина вызвала глубокую перестройку системы управления, отдельные детали которой до настоящего времени не изучены. Институт посланников, возникший в опричную эпоху, и был одним из механизмов, чья работа и функциональные обязанности расширились и усложнились. Так, в начале XVII в. «государевы посланники», подотчетные Разбойному приказу, направлялись для борьбы с разбоями в западные уезды Русского государства⁵⁹.

В силу того, что бегство тяглого населения наносило серьезный финансовый ущерб и снижало результаты работы самих четвертей, сыск беглых закладчиков был поручен именно четвертям, которые и раньше направляли посланников в подведомственные им территории с целями фиска. Сыск беглых надолго, по меньшей мере, до Смуты, перешел под контроль четвертей. В наказе об управлении тяглым населением Чухломы и уезда, данном С. А. Левшину от имени королевича Владислава 20 ноября 1610 г., помимо неоднократно цитировавшегося постановления о запрете выхода черносозных крестьян «до государева указа», содержится еще одно немаловажное указание: «А которые крестьяне живали за государем, а ныне живут те крестьяне за патриархом и за митрополиты и за архиепискупы и за монастыри, или за бояры, или за дворяны, или за детьми боярскими, и ему про тех крестьян сыскивать волостными и сторонними людьми, сколь давно и в котором году те крестьяне выбежали, да те сыскные списки присылать к Москве, и велеть отдавать в Галицкой чети диаку Ондрею Подлесову»⁶⁰.

Очевидны мотивы, в силу которых сыск беглых черносозных крестьян остался в ведении четвертей. Московское правительство в полном соответствии с позднейшей административной практикой возлагало сыск беглых на то учреждение, которое отвечало за сбор налогов и суд на данной территории – Галицкую четверть.

Описания 1580-х – 1620-х гг.

и государственное прикрепление к тяглу

Утрата приказной документации XVI в., пожалуй, наиболее остро ощущается в ходе исследований по истории закрепощения. Именно поэтому оживление исследовательского интереса к этой теме совпадало с открытиями новых архивных документов. Недавно был опубликован

⁵⁸ Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 525; Панях В. М. Русь в XV–XVII вв.: становление власти русских царей // Власть и реформы: от самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 81; Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 356.

⁵⁹ Корецкий В. И. Формирование крепостного права... С. 211–215.

⁶⁰ ДРВ. Ч. 11. М., 1789. С. 369.

источник, имеющий выдающееся научное значение – древнейший из известных в науке писцовый наказ 1585 г.⁶¹ До недавнего времени самыми ранними сохранившимися наказами считались предписания о дозорах посадов и черных деревень 1617–1619 гг. Наиболее ранним сохранившимся писцовым наказом считался наказ от июня 1622 г. для описания посада Великого Новгорода и Старой Русы с уездом⁶².

С находкой нового документа исследовательская перспектива сразу изменилась, и появились работы, где анализируется этот первостепенный источник. Б. Н. Флоря рассматривает наказ 1585 г. в контексте закрепостительных мероприятий конца XVI в. и делает вывод о том, что «все предусмотренные наказом меры касались не только крестьян, но и посадских людей, и запрет переходов «без государева указа» в полной мере относился и к городскому торгово-ремесленному населению»⁶³. С нашей точки зрения, акценты в данном заключении несколько смещены, а сам источник допускает возможность иной интерпретации.

Рассмотрим структуру писцового наказа 1585 г. и его постановления о сыске беглых. Описание Соли Галицкой писцом и дозорщиком Ю. Нелединским «с товарищи» 7093 (1585 г.) было известно В. И. Корещкому по упоминанию в грамоте 1608 г.⁶⁴ Наказ писцам Галицкого, Чухломского и Солигалицкого уездов Ю. И. Нелединскому и Л. Сафонову был дан 30 июня 1585 г.; его формуляр идентичен формуляру писцовых наказов 1620-х гг. Наказ состоит из двух разделов, в первом из которых содержатся положения о параметрах описания посадов, а во втором разделе – в уездах, станах и волостях.

Распоряжение о сыске беглых посадских людей приводится в наказе дважды: в первом и втором разделах. Резолюция первого раздела предписывает: «а которые будет люди с черных мест розошлися жити по слободам или по иным городом или по деревням за кого ни буде, и тех людей сыскивая, возити их на старые их дворы»⁶⁵. Очевидны серьезные изменения в положении посадских людей, произошедшие после принятия Судебника 1550 г. Под слободами следует понимать, главным образом, монастырские слободы, и, прежде всего, в самих городах, подвергшихся описанию. Эта норма явно заимствована из Судебника. Однако своз тягловцев предусмотрен также из других городов и из деревень «из-за кого ни буде». В данном случае имеются в виду все категории владельцев: служилые люди, монастыри, Дворец. Таким образом, есть

⁶¹ АСЗ. Т. 1. М., 1997. № 190. С. 156–158.

⁶² Акты писцового дела. Т. 1. М., 1913. № 104. С. 177–186.

⁶³ Флоря Б. Н. Об установлении «заповедных лет» в России. С. 121–124.

⁶⁴ ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 85; Корещкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба... С. 308.

⁶⁵ АСЗ. Т. 1. № 190. С. 156–158.

основания полагать, что в писцовых наказах, составившихся в царствование Федора, декларировалось прикрепление посадских людей к своим тяглым общинам.

Второй раздел наказа посвящен сыску посадских людей и волостных крестьян в сельской местности. «А которые галичские и чюхломские и Галицкие Соли посадские люди и волостные крестьяне разбежались тех же городов в уезды в ыные волости и в ыные города и в уезды, не хотя государевых податей платити или от посланников, и Юрью Ивановичю и подьячим, взяв с собою в Галиче и на Чюхломе и у Соли на посадах посадских людей и в околних волостех около тех городов волостных крестьян, сколко человек пригоже, да с теми людьми тех городов посадских людей и волостных крестьян беглых з женами и з детми и со всеми их животы по сыску имаю, приводити в Галич на посад и в галицкие пригороды да тех посадских людей и сажати на посаде в старые их дворы, а волостных крестьян таково ж в своей волости в старые ж их деревни и дворы, где хто наперед сего жил».

Наказ предусматривал возможность и единоличного сыска беглых писцами. «А однолично Юрью Ивановичю и Леонтью тех городов посацких беглых людей и волостных крестьян сыскав где ни буди, вывести назад, посадских людей на посад, а волостных крестьян в волости, и записи по них поручные поимати, чтоб им жить по прежнему в старых своих дворех и государевы подати платити по своим жеребьям по сошному писму ровно, и вон не выходити без государева указу ни за кого...»⁶⁶. Это наиболее раннее известное нам распоряжение о полном запрете крестьянских переходов. Как известно, первое упоминание о «заповидных летах» содержится в отдельной грамоте новгородскому помещику Б. Сомову от 12 июля 1585 г.⁶⁷

Важнейший вопрос, возникающий при анализе распоряжения, — какие категории крестьян имел в виду писцовый наказ? Ряд косвенных указаний на это содержится в самом тексте документа. Во-первых, в преамбуле, которая, как и в позднейших наказах, содержит распоряжение писцам «ехать», «писать» и «дозирать», имеется ценнейшее указание. Писцам предписывается взять в городах с подлинных писцовых книг и с платежниц противни, а у «черных старост и целовальников» — сотные. Таким образом, в преамбуле писцового наказа игнорируются земли служилых людей. Сами крестьяне в тексте наказа именуется волостными. Крестьян сажают «в своей волости в старые ж их деревни и дворы», выводят в волости «и записи по них поручные» «имают». Никаких следов их зависимости от землевладельца (кроме государства) не

⁶⁶ АСЗ. Т. 1. № 190. С. 158.

⁶⁷ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Т. 2. С. 499–500.

видно, что позволяет определить, что в наказе речь идет о черносошных крестьянах.

К подобному выводу приводит и сравнительное исследование наказа 1585 г. и писцовых наказов 1620-х гг. Собранные и опубликованные С. Б. Веселовским еще в начале XX в., писцовые указы практически не исследованы как источник по истории закрепощения. Мы проанализируем только самые ранние из сохранившихся наказов (1617–1627 гг.), которые можно разделить на две группы – указы дозорщикам и указы писцам. Дозоры, как известно, осуществлялись на территориях, подвергшихся опустошению, и фиксировали убыль населения и масштабы разорения. Дозоры первого послесмутного десятилетия были поспешными, и перед дозорщиками не ставилась задача сыска тяглых людей. В наказах дозорщикам 1617–1619 гг. о сыске и свозе посадских людей и крестьян не упоминается.

Вторая группа наказов – собственно писцовые указы, сохранившиеся с 1622 г., времени начала валового описания. Указ писцам посадов Великого Новгорода и Старой Руссы с уездом А. Чоглокову и Д. Семенову от июня 1622 г. состоит, так же, как и указ 1585 г., из двух разделов. В первом разделе содержится предписание о сыске и вывозе на старые места посадских людей Великого Новгорода: «Да будет которые посадские люди, не хотя быти в тягле с мирскими людьми, а льготя себе и покиня свои дворы, вышли за митрополита, или за монастыри и за всяких чинов людей после смутных лет, и про тех посадских людей сыскав, где хто за кем живет, да тех людей по государеву указу до 128-го году за 10 лет из-за тех людей вывозить и посажати их на старые места...». Второй раздел указа содержит распоряжение о мерах по возвращению посадских людей и крестьян Старорусского уезда: «А вывозити им старорусских посадских людей и старорусских черных волостей крестьян за государя, которые довелися по государеву указу, до 128-го году за 10 лет, сыскивая про то накрепко...»⁶⁸.

Мы пока не рассматриваем норму о десятилетнем сыске, применявшуюся в 1620-х гг. В писцовых указах 1622–1627 гг. важно подчеркнуть главное: несмотря на то, что большинство писцов должны были описывать все земли, в том числе монастырей и служилых землевладельцев, *сыску подлежали только посадские люди и черносошные или дворцовые крестьяне*. Данное положение варьировалось в зависимости от того, существовали ли в данном уезде черносошные или иные «государевы» земли. В Псковской земле в 1620-х гг. не было черносошных крестьян, но были дворцовые волости. Соответственно, изменялись и формулировки указа. Указ писцам посада и уезда Пскова от 22 июля

⁶⁸ Акты писцового дела. Т. 1. № 104. С. 177–186.

1623 г. предписывает: «а вывозити им псковских пригородов посадцких людей и дворцовых волостей крестьян за государя тех, которые довелись по государеву указу, до 128 году за 10 лет, сыскивая про то накрепко...»⁶⁹. Таким образом, согласно писцовому наказу, в Псковской земле сыску и вывозу подлежали только посадские люди и дворцовые крестьяне, несмотря на то, что описаны были все категории земель⁷⁰.

Третий рассматриваемый нами писцовый наказ – наказ писцам Московского уезда Ф. Пушкину и А. Строеву от 15 июня 1626 г. В задачи писцов входило описание всех категорий частновладельческих земель: поместных, вотчинных, патриарших, митрополичьих, владычных, монастырских – за исключением дворцовых. Норма о сыске и вывозе беглых крестьян в наказе писцам Московского уезда отсутствует⁷¹. Поскольку черносошных земель в Московском уезде в это время уже не было, можно утверждать, что норма о сыске и вывозе беглых крестьян в Замосковном крае применялась исключительно к дворцовым и черным землям.

В заключение проанализируем грамоту из Устюжской чети к писцам Соли Вычегодской от 11 сентября 1625 г. Грамота была отправлена для решения казуса, связанного с уходом из Усольского уезда в Сибирь шести тяглецов, которые на новом месте жительства стали пашенными крестьянами. Дьяки Устюжской четверти предписали писцам выяснить прежний статус крестьян, и если окажется, что они бывшие тяглые посадские люди или волостные крестьяне, их следовало вернуть. Грамота интересна еще и тем, что в ней в сокращенном виде изложен закон Михаила Федоровича, не вошедший в издание «Законодательных актов Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в»: «Да и потому их из Сибири взяти на старину, что по нашему уложению изо всех городов сошлых посадцких людей и из наших дворцовых сел и черных волостей крестьян велено вывозить за нас на старые их жеребьи, посадцких людей по 127-й год за 10 лет, а уездных людей вывозить, которые вышли до московского разоренья с 117-го году и после московского разоренья с 119-го году по нынешней 134-й год»⁷². Как видим, в грамоте писцам Соли Вычегодской повторяется аналогичная правовая норма с увеличенным до 15 лет сроком сыска крестьян.

Таким образом, писцовые указы 1620-х гг. не предписывали осуществлять сыск, вывоз и укрепление на старых местах владельческих крестьян. У нас нет оснований считать, что в 1580-х гг. ситуация была

⁶⁹ Акты писцового дела. Т. 1. № 120. С. 238.

⁷⁰ Масленникова Н. Н. Писцовые и переписные книги XVII в. – основной источник по истории псковских крестьян // ВИД. Т. 21. Л., 1990. С. 202.

⁷¹ Акты писцового дела. Т. 1. № 215. С. 423–438.

⁷² Там же. № 202. С. 401.

иной. В галицком писцовом наказе 1585 г. упоминаются «черные старосты и целовальники», крестьяне называются исключительно волостными. Сопоставление писцового наказа 1585 г. с наказами и документами писцового делопроизводства 1620-х гг. приводит к однозначному выводу: наказ писцам галицких уездов Ю. Нелединскому и Л. Сафонову от 30 июня 1585 г. предписывал провести описание только посадов и черносошных волостей. Именно поэтому в наказе не были отмечены меры по описанию земель служилых землевладельцев.

В. И. Корецкий, проведший огромную работу по сбору сведений о письме 80–90-х гг. XVI в., нашел упоминания о двух описаниях галицких уездов. Ему были известны книги Галицкого уезда Василия Симонова «с товарищи» 7089 (1580/81) г., и писцовые книги Соли Галицкой (черных волостей) письма и дозора Ю. Нелединского «с товарищи» 7093 (1585) г. Сам Корецкий никак не прокомментировал факт повторного описания галицких земель в середине 1580-х гг., глухо сославшись на одновременное письму других уездов описание Солигаличского уезда⁷³. Ни писцовые книги 1580/81 г. В. Симонова, ни книги 1585 г. Ю. Нелединского до сих пор не разысканы и, скорее всего, не сохранились до нашего времени. Но не будет слишком смелым предположить, что В. Симонов в 1580/81 г. описывал частновладельческие земли (служилых людей и монастырей), а Ю. Нелединский в 1585 и, видимо, в 1586 г. — посады и черные волости.

Мы, разумеется, не можем даже предположительно сказать, получил ли писец Симонов в 1580/81 г. предписание осуществить сыск беглых в галицких уездах. Но, видимо, и на частновладельческих землях Галицкого уезда сыск беглых в 1580/81 г. не проводился. В этом убеждают результаты исследования сохранившихся писцовых книг новгородских пятин 1582–1585 гг., в которых также были описаны частновладельческие земли, где в эти годы беглых крестьян не искали и не свозили. Р. Г. Скрынников, осуществив комплексное исследование писцовых книг Деревской пятины 1582–1583 гг. и актов с упоминаниями о заповедных летах, пришел к обоснованному выводу, что в первой половине 1580-х гг. заповедные лета на Северо-Западе России не были известны⁷⁴.

Поскольку дворцовых земель в Галицком уезде не было, в наказе 1585 г., естественно, не упоминались дворцовые крестьяне. Но в силу того, что описание Галича было лишь частью обширных работ по составлению в 1580-х гг. писцовых книг, уместно сформулировать вопрос: когда начала применяться административная практика сыска дворцовых

⁷³ Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба... С. 120, 304, 308.

⁷⁴ Скрынников Р. Г. Заповедные и урочные годы царя Федора Ивановича // ИСССР. 1973. № 1. С. 110.

крестьян, отразившаяся в писцовых наказах 1620-х гг.? Первый общегосударственный закон, в котором фигурирует норма о прикреплении дворцовых крестьян, наряду с черносошными, к тяглу был издан 28 ноября 1601 г. Это знаменитый указ Бориса Годунова, разрешавший вывоз крестьян служилыми людьми на условиях Судебника 1550 г. (в сроки Юрьева дня и с выплатой пожилого).

Указ неоднократно комментировался в литературе⁷⁵. Для нас наибольший интерес представляет перечень тех категорий землевладельцев, на которых указ не распространялся. «А в дворцовые села, и в черные волости, (здесь и далее курсив мой. — В. А.) и за потриарха, и за митрополиты, и за архиепискупы, и за владыки, и за монастыри, и за бояр, и за околничих, и за дворян болших, и за приказных людей, и за дьяков, и за столников, и за стряпчих, и за голов стрелетцких, и из-за них в нынешнем во 110-м году крестьян возити не велети»⁷⁶. Данное положение комментировалось, главным образом, в той его части, которая касается крупных землевладельцев-феодалов. Так, В. И. Корецкий заметил, что «крупные ... землевладельцы, представители администрации черных и дворцовых волостей были исключены из процесса вывоза, так как могли подавить мелких и средних помещиков»⁷⁷. Понятно, что замечание исследователя относится, скорее, к крупным землевладельцам, нежели к дворцовым и черносошным волостям, которые чаще становились жертвой стяжательства помещиков.

Очевидно лишь то, что дворцовые крестьяне наряду с черносошными к 1601 г. считались прикрепленными к тяглу. В следующем, 1602 г., указ был повторен, причем дворцовые и черносошные крестьяне в нем не были упомянуты, но содержалось категорическое постановление о том, чтобы «возити б крестьян промеж себя те все люди, которым велено возити во 110-м году»⁷⁸. Логично заключить, что и по указу 24 ноября 1602 г. отмеченные категории крестьян не пользовались правом выхода. С. Б. Веселовский считал, «что и в следующем 112-м году в третий раз дан был указ о выходах», не сохранившийся⁷⁹. У нас нет оснований полагать, что третий указ должен был отличаться от двух предыдущих. Таким образом, факт прикрепления к тяглу дворцовых и черносошных крестьян в начале XVII в. можно считать бесспорным.

Наказ городовому приказчику Ю. Лобанову от 28 ноября 1596 г. свидетельствует, что и в это время беглые дворцовые крестьяне подлежали сыску и свозу на прежние места жительства. В наказе говорится,

⁷⁵ ЗАРГ. Комментарии. № 50, 51. С. 90—95.

⁷⁶ ЗАРГ. Тексты. № 50. С 70.

⁷⁷ Корецкий В. И. Формирование крепостного права... С. 165.

⁷⁸ ЗАРГ. Тексты. № 51. С 71.

⁷⁹ Веселовский С. Б. Труды по источниковедению... С. 43.

что «в прошлом де в 104-м году прислан в Арзамас Парфен Нефимонов, а велено ему сыскивати государевых ... арзамасских дворцовых сел беглых крестьян и вывозить в государевы ... дворцовые села». Кроме того, упомянутый сыщик правил на помещике Я. Миленине за беглого крестьянина «на прошлые годы на десять лет денежных доходов и посопного хлеба»⁸⁰. Уже публикатор этого документа С. Б. Веселовский разъяснил коллизию ситуации, когда помещик утверждал, что крестьянин прожил в его имении 21 год, а сыщик Нефимонов полагал, что крестьянин вышел из дворцового села позже, возможно, всего 10 лет назад, не ранее 1586 г.⁸¹ Веселовский связывал запрет на переход с введением заповедных лет в 1581 г., но такой вывод из документов не следует. При существующей источниковой базе наиболее вероятным будет заключение о лишении дворцовых и черносошных крестьян права выхода в 1584/85 г., к моменту выхода наказа писцам Галичского уезда 30 июня 1585 г.

Результаты исследования писцовых наказов 1580–1620-х гг. дают возможность заключить, что в начале царствования Федора Ивановича (март 1584 – июнь 1585 г.) начал осуществляться комплекс мероприятий по сыску и возвращению беглых посадских людей, черносошных и дворцовых крестьян. Генезис новой административной практики очевиден – прикрепление к тяглу жителей посадов и черносошных волостей был результатом развития и расширенного толкования ст. 91 Судебника. Так же, как и ст. 91 Судебника, правовые нормы наказов действовали однонаправлено: обязывали проводить сыск черных тяглецов «где ни буди», в том числе и на частновладельческих землях, но не предполагали сыск частновладельческих крестьян на посадах и в черных волостях. Под выражением «где ни буди» следует понимать, главным образом, монастырские земли, что свидетельствует о жестком разграничении в положении тяглового населения, имевшего разный правовой статус до конца XVI в.

Был ли сыск беглых черных тяглецов в царствование Федора ограничен какими-либо сроками? Рассмотрим другие известные в литературе случаи. В 1590/91 г. приграничный город Торопец, жестоко пострадавший от похода Батория, получил земскую уставную грамоту. В торопецком посаде учреждалось, параллельно с воеводским, земское самоуправление. Наряду с судебными и финансовыми привилегиями земские власти Торопца получили право вывоза старинных посадских людей. «И на пустые им места старинных своих тяглецов из-за князей и из-за детей боярских, из-за монастырей и из волостей, которые у них с посаду разошлись в заповедные лета, вывозить назад на старинные их

⁸⁰ Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.). М., 1915. № 112. С. 129.

⁸¹ Веселовский С. Б. Труды по источниковедению... С. 43.

места, где кто жил наперед того, безоброчно и безошлинно»⁸². С. Б. Веселовский и В. И. Корецкий, сопоставив текст Важской уставной грамоты 1552 г. и Торопецкой грамоты, предложили иное чтение документа: вместо «безоброчно» читать «бессрочно». Р. Г. Скрынников не принял предложенного исправления, но не дал объяснения: что же означает «безоброчно»?⁸³ Думается, что Веселовский и Корецкий предложили более адекватное прочтение источника.

Сходная правовая норма имеется в третьем сохранившемся от царствования Федора документе с известием о сыске беглых посадских людей. Это список с царской грамоты к Соли Галицкой воеводе И. Ильину от 30 июля 1596 г. Документ содержит предписание о сыске и вывозе на посад беглых тяглецов: «вышедших сыскать всех с женами и з детьми и со всеми их животы и вывезти на посад в старые их тяглые дворы, где хто наперед того жил и на поруки их з записьми подавать в том, что им всякие наши подати платити с посадцкими людьми ровно и с посаду вон ни за кого не выходить и в закладчиках ни за кем не жити»⁸⁴. Грамота к воеводе Соли Галицкой 1596 г. интересна еще и тем, что ее формулировки дословно повторяют определения писцового наказа Соли Галицкой 1585 г. Значит, спустя 11 лет после начала описания, на галицких посадах действовали нормы, заложенные в писцовом наказе, и, прежде всего, бессрочный сыск тяглецов. У нас нет оснований предполагать, что в Торопце сыск проводился иначе.

В то же время, сопоставление Важской 1552 г. и Торопецкой 1590 г. уставных грамот позволяет выявить некую долговременную тенденцию, которая на протяжении второй половины XVI в. определяла порядок сыска черных тяглых людей. Составлению уставной грамоты в приказе предшествовало челобитье тяглой общины. Выдача уставной грамоты посадской общине Торопца также была осуществлена на основании челобитной земского мира. В грамотах в виде пожалования тяглые общины получали от государства санкцию на сыск и вывоз старых тяглецов. Примечательно, что и писцы, по крайней мере, с 50-х гг. XVI в. получали наказания с предписаниями осуществлять сыск выбежавших посадских людей, а с 80-х гг. XVI в. — и черных уездных людей.

Таким образом, прикрепление черного населения к тяглу осуществлялось по двум сходящимся направлениям: разрешительному земскому и директивному государственному. Сельское население частновладель-

⁸² Наместничьи, губные и земские уставные грамоты... С. 147.

⁸³ Веселовский С. Б. Труды по источниковедению... С. 41; Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба... С. 99; Скрынников Р. Г. Заповедные и урочные годы царя Федора Ивановича. С. 114.

⁸⁴ Цит. по: Сташевский Е. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Ч. 1. Киев, 1913. С. 139.

ческих земель до 80-х гг. находилось в сфере действия ст. 88 Судебника 1550 г. В тексте Торопецкой грамоты есть хорошо известное определение о том, что старинные тяглецы разошлись с посада в заповедные лета. Думается, все же, что данное определение для уставной грамоты имело второстепенное значение. Проблема соотношения норм заповедных и урочных лет, действовавших на частновладельческих землях, и норм бессрочного сыска, имевшего место на посадах и в черносошных общинах до начала XVII в., нуждается в отдельном исследовании.

* * *

№ 1

1584 г. октября 11. — Указная с прочетом грамота ц. Федора Ивановича на Белоозеро городовому приказчику Добрыне Толмачеву в подтверждение прежних жалованных грамот

Список з грамоты от царя и великого князя Федора Ивановича на Белоозеро городовому прикащику Добрыне Толмачеву.

Бил нам челом Успенья Пречистые Богородицы Кирилова монастыря богомолец наш игумен Варлам з братьею, а сказал: отца де нашего царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси жалованная грамота, и на мое, царя и великого князя, имя подписана, что в их монастырскую вотчину нашим посланником и розсылщиком и губным старостам и городовым приказщиком для наших денежных доходов не въезжати, и к денежным сборам и к тамгам их кириловских крестьян не имати, а наши всякие доходы велено им збирати и платити в нашу казну самим на Москве. И губные де старосты, и городовые приказщики и наши посланники по всем городом в их кириловскую вотчину учили въезжати, и к денежным збором, и к тамгам учили кириловских крестьян выбиратьи, и крестьяном де их в том чинятца бои и продажи великие, и нам бы богомольца своего, Кирилова монастыря игумена Варлама, з братьею пожаловати по-прежнему, отца нашего и по нашей жалованной грамоте в кириловскую вотчину нашим посланником и городовым приказщиком въезжати не велети, и к денежному збору, и к нашим ко всяким делом, и к тамгам целовалников не имати.

И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б в кириловскую вотчину сам для наших всяких денежных доходов не ездил и розсылщиков и целовалников не посылал. И к нашим ко всяким доходом и к тамгам кириловских крестьян в целовалники не имати, чтоб им в том продажи некоторые не было, а наши ямские денги и всякие наши подати с тое их кириловские вотчины велели есмя им платити самим на Москве по прежним нашим жалованным грамотам.

А прочет сю грамоту, и списав с нея противень отдал бы еси кириловскому игумену Варламу з братьею или их слуге, и оне держат ея у себя вперед для наших иных городовых приказщиков, и губных старост, и денежных зборщиков, и наших посланников.

Писана на Москве лета 7093 октября в 11 день.

А позаде грамоты пишет: Царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси.

А на сставе пишет: Дьяк Дружина Петелин.

А список писал Кирилова монастыря дьячек Левка Турилов.

Архив СПбФИРИ РАН. Кол. 174. Оп. 1. № 441. Список конца XVI в.

№ 2

1584/85 г. — Выпись из наказа посланникам о сборе сведений, касающихся монастырских владений в Двинском уезде

(Л. 1) Выпись из наказа.

Да и про то б естя обыскал: сколко на Двине Троецкого и Кирилова монастыря, и Соловецкаго, и Сийскаго, и Николы Чюдотворца, и Прилускаго, и Архангельскаго монастыря, и иных монастырей на Двине закладных или купленных или даных черных деревень, и пашенных земель, и сенных покосов, и рыбных ловель, и всяких угодей, порознь за которым монастырем сколко чего, и хто что в которой монастырь, которую деревню, и пашенную землю, и сенные покосы, или рыбную ловлю продал, или заложил, или по душе отдал, и сколь давно и за колько лет, и сколько с которые деревни, и с котораго угодя наперед того было наших податей, и ныне с тех деревень и з земель и с угодей, которые за монастыри, наши подати платили, и кто двиняне в посаде закладчиков есть ли за которым монастырем, и будет есть, и сколь давно заложилися, хто за которой монастырь, и хто имянем, и сколько хто платил наших податей, и сколько за которым монастырем варниц, и которыми деле за монастырь с варницы учинилися, и хто у них в варницах стряпает, и какие люди, и на чьей земли у них варницы и црены, и наши подати с варниц или оброк платят ли, и в подводы и в кормы и во всякие земские проторы двиняном подмогают ли, или не подмогают, и будет не подмогают, и для чего не подмогают, и сколько в которой год довелось было которому монастырю с своих угодей платить, и они будет не платили, и сколко за которые монастырские деревни и за угодя, и за промыслы двиняне наших всяких податей и во всякие розходы за те монастыри, и за которой монастырь сколько платили, и по сколку на которой год монастыри не платили: на 90, и на 91, и на 92 год. И вологжан

Федора да Михаила Кобелевых люди, живучи на Двине, каким товаром торгуют и промышляют, и сколько за (ни)*ми варниц, и наши подати с своих торгов и с промыслов, и с варниц на Двине дань всякую платят ли, или не платят, и будет не платят, и давно ли не платят, и наперед того плачивали ли, а двинянам от них насилства никакова нет ли, и пошлину таможную платят ли, или не платят, и сколько лет не платят, и в которой год (Л. 2) и сколко Кобелевых каких пошлин, и таможенные пошлины вовсе не платили, и которые гости торговые люди с Москвы и из Новагорода и из ыных городов на Двине торговать приежжают ли, и пошлину таможную своих торгов платят ли, или не платят.

Архив СПбФИРИ РАН. Кол. 174. Оп. 1. № 438. Л. 1–2 Список конца XVI в.

Примечание: * В ркп.: ми.

№ 3

1584/85 г. – Обыскные речи жителей посада Неноксы

(Л. 2) И в Неноксе государю сказали речи в обыску про все монастыри, у которых монастырей в Неноксе промыслы, и про Кобелева, что великие обиды им от нас. Снимок с речей слово в слово, что говорили ненокшана в обыску про Кирилов монастырь.

А в Кирилов монастырь заложился государь в восемьдесят в шестом году ненокшанин лутчий человек ис тягла ис черных сох Павел Ананин сын Тарлянин, и продал и отвел двор свои за Кирилов монастырь, писан в сошное письмо на черном тяглом месте, и расол той сугребы на великих местех черной ж тяглою продал, и отвел за Кирилов же монастырь. И после того, государь, с 89 году приехали старцы кириловские в Неноксу жити и покупили, государь, в Неноксе твою государеву отчину черную тяглую – росолы внове, а промышляют с нами в черных сохах всяким усолским промыслом: соль варят, и дрова секут, и покупают, и двор у них куплен тяглою черной, писан в сошном письме на черном месте у Ивана Михайлова сына Кологривова, и онбар у них на исадех на черном же месте куплен. А промыслу оу них в Неноксе на великих местех росолу пол варницы без полудвенатцати выти, да на Наволок полдевяты выти порознь в дву варницах, и те, государь, кириловские старцы на счет с нами не сядилися в своих черных промыслех, а по нашему, государь, по волостному счету с их кириловского промыслу с черных росолов из соли, что варили на черных росолех из двора и с онбара, доведетца в 90-м году в один поклад полтора рубля, итого в девятнадцать даней по счету доведетца двадцать полдевята рубля, и оне, государь, того разрубру не платили. А за 91 год доведетца на них в двадцать в четыре да-

ни трицат шесть рублей, и оне, государь, толко дали шесть рублей, а трицат рублей не дали, а за 92 год доведетца по нашему счету, как мы считалися по животом и по промыслом, и на них, государь, доведетца с черного их промыслу в один ряд четыре рубля, итогу в трицать покладов сто двацать рублей, и оне, государь, толке дали двацать рублей, а ста рублей не дали, и всего, государь, оне в те годы не платили сто пятьдесят восемь рублей с полтиною. (Л. 2 об.) Да, государь, цренную оне платили с тех черных росолов своих данным зборщиком, а пошлин твоих государевых не платят не с каких торгов, а товары их, государь, писаны в таможных книгах сколько в котором году каких товаров продавали и купили. А в государевых жаловалных в их грамотах в кириловских тех ненокоских промыслов нет, не написаны, а стоят на государеве земле на черной, а те, государь, троецкие Сийскаго монастыря и Никольского Корелского монастыря, и Архангельского, и Соловецкого и кириловские промыслы, росолы их, варницы и угодыя, с нами изначала были в черных сохах во всяких тяглых, а тем, государь, монастырским росолам, и полям, и пожням, и рыбным ловлям купчие и данные и закладные, и по душе дадены у них в казне в монастырех лежат, а мы, государь, истари их не ведаем. А от нас, государь, те их монастырские и Федора Кобелева черные промыслы из с тягла из черных сох не выведены, и не отставлены, и мы, государь, черные тяглые отсталые людишка, с тех промыслов в государевых податех в земских розметех в конец загибли, платячи за тех сильных людей, за монастыри и за Федора Кобелева платячи, в том есмь, государь, охудали и одолжали, и в конец загибли, и толко государева отчина остальные дворишка тяглые черные пометати да розбежались от них, и тянути, государь, за их промыслы не мочно. А иные, государь, и розбежались от тех их нужи и от голоду.

Архив СПбФИРИ РАН. Кол. 174. Оп. 1. № 439. Л. 2–2 об. Список конца XVI в.

№ 4

1585 г. января 7. — Отпись посланника Тимофея Шокурова в получении с Антониева Сийского монастыря денег в счет невыплаченных налогов и таможенных пошлин

По государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии наказу и по росписи за приписью государева диака Ондreja Щелкалова Тимофей Шокуров доправил на Сийском монастыре пятьдесят семь рублей и трицать алтын пять денег, што велено Тимофею по государеве росписи доправити на Сийском монастыре таможных денег по двинским таможенным книгам дватцать рублей, да со их промыслов с варниц,

и с поль, и с пожен, и с рыбных ловель, что в Неноксе, и с оных деревень, и с угодей, которыми они владеют, а податей государевых не платят, 37 рублей и 30 алтын 5 денег.

К сей отписи Тимофей Шокуров печать свою приложил, а на печате человек: в правой руке сабля, а в левой ножи.

Писал отпись на Двине на Емецком стану спаской церковной диячек Васюк Володимеров лета 7093 генваря в 7 день.

Архив СПбФИРИ РАН. Ф. 5. Оп. 1. № 700. Подлинник. На лицевой стороне печать черного воска.

№ 5

1585 г. января 8. — Поручная запись крестьян Емецкого стана по бывшим закладчикам Антониева Сийского монастыря Авакумовым

Се аз, Никифор, да яз, Шестой, Харитоновы дети Поповы, да яз, Яков Леонтьев сын Арап, со Емецкого погоста, да яз, Давыд Яфимов сын Кнутарева с Прилука Емецкого, да яз, Демид Кондратьев сын Вотолин з Брилина Наволока, да яз, Павел Анфимов сын из Затаечья Шилов, да яз, Иван Кирилов сын Чюрляев Большой, да яз, Григорей Игнатьев сын, все есмь Емецкого стану, поручились есмь Тимофею Шокурову по Никите да по Антипе, да по Остафьи, да по Девятом по Ивановых детех Авакумова, по закладчиках Сийскаго монастыря в том: жити им за нашею порукою за государем на Емецком стану на государеве земли на тяглом месте и всякие государевы подати платити с станowymi людьми ровно, а монастырскими закладчики не называтись. А не учнут они за нашею порукою жити за государем на Емецком стану на государеве земли на тяглом месте и не учнут государевых податей платити с станowymi людьми ровно, или учнут называтись монастырскими закладчики, и на нас на порутчиках государева пеня, што государь укажет, и прогоны с Москвы до Двины и назад до Москвы.

А которой нас порутчиков в лицах, на том государева воля и прогоны.

А на то послуи Иван Бык Петров сын да Сергей Михайлов сын Пончик Колмогорец.

Писал запись спаской диячек Васюк Володимеров. Лета 7093 генваря в 8 день.

На обороте: Порутчик Никифорка руку приложил. Порутчик Шестак руку приложил.

Архив СПбФИРИ РАН. Ф. 5 Оп. 1. № 701. Подлинник.

